

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 6.

15 МАРТА

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 237-55.

Безобразова М. С. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бьялевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушкинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.

Кэрроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэко. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахѣева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Аллегро. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣлается уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

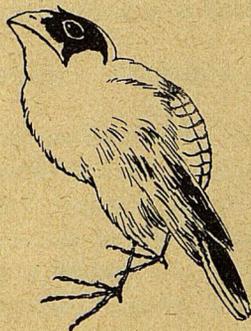
Мартъ № 6.

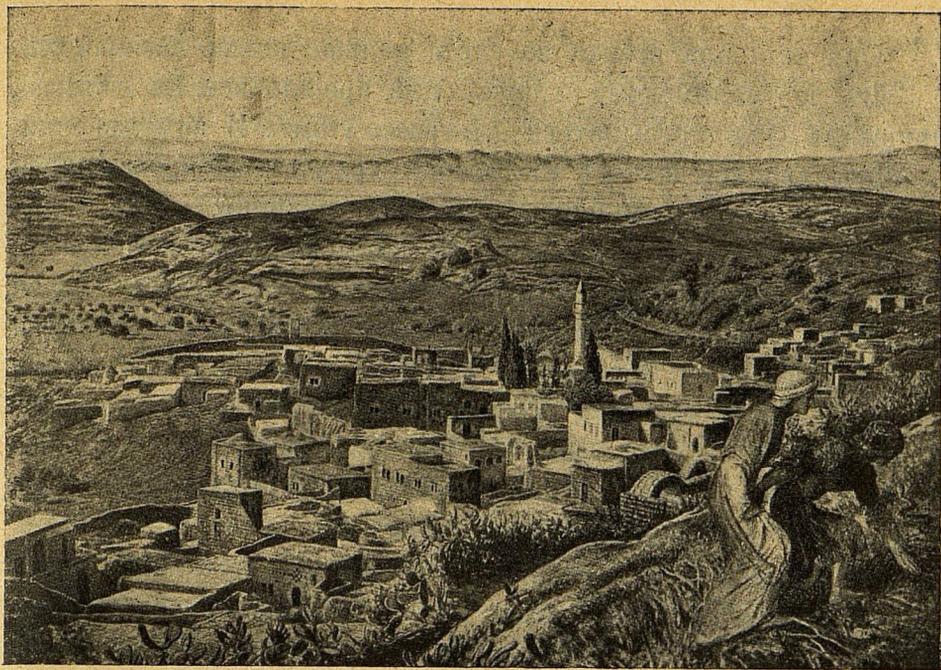
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Назаретъ—картина *Гольмана Гентъ*.
2. Благовѣщенъе — *Н. Маркова*.
3. Старуха Зима—стихотвореніе *А. Насимовича*.
4. Въ школу—разсказъ *Н. Миронова*. (Окончаніе).
5. Подвигъ Троице-Сергіевскаго монастыря—*П. Куликова*. (Продолженіе).
6. Народная приговорка на 25-ое марта.
7. Исторія воздухоплаванія—*Л. Егорова*. (Окончаніе).
8. Жизнь Хитролиса (изъ старо-французскаго эпоса)—*П. Соловьевой*. (Продолженіе). Рисунки *Рабье*.
9. Вѣсти отовеюду.
10. Почта „Тропинки“.

Назаретъ. Картина Гольмана Гёнтъ.

Благовѣщенъе.

БЫЛО это давно-давно, почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Въ Галилеѣ наступала весна, но еще не разлиствились виноградники и плодовые сады на склонахъ горъ, окружавшихъ тихій городокъ Назаретъ. Чуть зеленѣли всходы на пшеничныхъ и ячменныхъ поляхъ и едва пробивалась на лугахъ нѣжная и яркая трава.

Было раннее утро. Еще солнце не взошло, и туманы бродили по сосѣднымъ холмамъ, когда въ домѣ плотника Иосифа проснулась Дѣва Марія.

Она вставала всегда на зарѣ, раньше всѣхъ домашнихъ.

Въ іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ прошло все Ея дѣтство, привыкла Она просыпаться съ разсвѣтомъ. И всѣ дѣвочки, воспитывавшіяся вмѣстѣ съ Нею при храмѣ, тоже просыпались до солнца и становились на утреннюю молитву.

Дѣва Марія и въ домѣ Іосифа жила, какъ жила въ храмѣ. Она мало принимала участія въ домашней суетѣ, — жила своей особенной жизнью. Молилась, читала священное писаніе и работала въ своей маленькой горенкѣ, убранной цвѣтами и травами. Работница Она была искусная: умѣла и вышивать, и прядь, и ткать. Особенно хорошо ткала Она цѣльные одежды, безъ швовъ. Такія одежды приготавливала Она въ Іерусалимѣ для священнослужителей.

Въ свободное отъ работъ время любила Дѣва Марія пойти въ небольшой садъ при домѣ Іосифа, за бѣлой оградой. Тамъ ухаживала Она за цвѣтами, поливала посѣянные Ею цѣлебныя травы, кормила и ласкала прилетавшихъ птицъ.

Въ Назаретѣ Марію видали мало. Рѣдко выходила Она за садовую ограду, но часто прохожіе останавливались подъ Ея окномъ, чтобы послушать, какъ Она поетъ, сидя за работой, псалмы Давида. Ни одна изъ дѣвусекъ не умѣла пѣть, какъ Марія.

Въ это весеннее утро, проснувшись, какъ всегда, на разсвѣтѣ, Марія стала на молитву. Она любила молиться въ тихіе часы, когда въ домѣ всѣ еще спали. Часто молилась Она о томъ, чтобы скорѣе пришелъ на землю обѣщанный Спаситель. Помолившись, Она, по обыкновенію, раскрыла книгу священнаго писанія и стала читать. Въ этотъ день Она остановилась на словахъ пророка Исаи, возвѣщавшихъ рожденіе Спасителя міра. Прочла Марія таинственныя строки и глубоко задумалась. Время, предсказанное пророкомъ

наступало. Радостно было Святой Дѣвѣ думать въ это весеннее утро о томъ, что не долго ждать своего спасенія бѣднымъ измученнымъ людямъ. „Но гдѣ же“, подумала Она, „та избранная дѣва, которой суждено стать Матерью Бога? Какъ она будетъ счастлива! Такого великаго счастья никто еще не испытывалъ на землѣ.“

И вдругъ, сквозь опущенныя вѣки почувствовала Дѣва Марія внезапный яркій свѣтъ. „Что это? Не солнце ли взошло?“ подумала Она. Но слишкомъ сильно и необычно было сіяніе, наполнившее убогую маленькую горенку. Точно не одно, а множество солнць взошло сразу и освѣтило не бѣдныя выбѣленныя стѣны горенки, а горныя вершины, покрытыя вновь выпавшимъ сверкающимъ снѣгомъ. Предчувствуя великую радость, но смущенно и робко подняла глаза Дѣва Марія и замерла, ослѣпленная свѣтлымъ видѣніемъ. Передъ Нею съ длинной вѣткой лиліи въ рукахъ стоялъ архангелъ и среди глубокой разсвѣтной тишины послышался небывалый голосъ:

— Радуйся, благодатная, Господь съ тобою!

Сердце Дѣвы Маріи такъ сильно забилося, что Она прижала обѣ руки къ груди и неподвижно, съ широко раскрытыми дѣтскими глазами, смотрѣла на ангела и слушала, что онъ говорилъ Ей. А онъ говорилъ, что это Ее избралъ Господь, что это Она будетъ Матерью Спасителя міра. И вдругъ поняла Дѣва Марія, что архангелъ говоритъ свою вѣсть не Ей одной, а всему огромному Божьему міру. Что слова его, произнесенныя въ маленькой бѣлой горенкѣ, въ разсвѣтный тихій часъ, гуломъ безчисленныхъ колоколовъ поплывутъ по землѣ и будутъ повторяться во вѣки вѣковъ. И такъ необъятна была тайна этихъ словъ, такъ велика ихъ всемірная радость, что Дѣва Марія не могла ни удивляться, ни

возражать, а могла только съ восторженной покорностью волѣ Божіей принять благою вѣсть.

— Я раба Господня: да будетъ мнѣ по слову твоему. Такъ отвѣтила Марія ангелу и преклонилась передъ нимъ. А когда всгала,—никого уже не было въ горенкѣ, и только разсвѣтное небо розовѣло за окномъ. Все было, какъ прежде, но не по прежнему смотрѣла на все Дѣва Марія. По новому прозрѣли Ея глаза, новой любовью билось Ея сердце и пѣло ей: „Радуйся! Радуйся! Радуйся!“

Тѣсно показалось Ей въ маленькой горенкѣ. Не могла Она приняться за обычную работу, не подѣлившись ни съ кѣмъ благою вѣстью, не обрадовавъ никого своей великой радостью.

Но люди все еще спали.

Тихо скрипнула дверь, выходящая въ садъ дома Іосифа. На порогѣ остановилась Марія, глядя на свѣтлѣвшее небо, на вершины горъ, заалѣвшія отъ первыхъ солнечныхъ лучей, и на сады Назарета, съ вѣтвями, еще темными, но полными скрытаго движенія весеннихъ соковъ. Стоитъ въ дверяхъ Марія, и вдругъ — щебетъ, чириканье, шелковый свистъ крыльевъ. Это птицы налетѣли на Нее со всѣхъ сторонъ. Онѣ все знали Ее и любили, потому что Она любила ихъ, кормила, помогала имъ, ласкала. Въ это утро птицы задумали начать гнѣзда вить, но, увидавъ любимую Дѣву, побросали работу и со всѣхъ крыльевъ помчались къ Ней. Окружили, чирикаютъ, щебечутъ, трепыхаютъ крыльями; на плечи, на руки садятся.

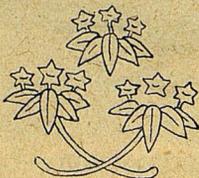
— Нѣтъ у меня сегодня зеренъ,—говорить имъ Дѣва Марія.

А птицы такъ и льнуть къ Ней, заглядываютъ въ глаза черненькими и янтарными глазками, наклоняютъ головки, точно прислушиваясь къ Ея словамъ. И шепнула имъ Дѣва Марія о томъ, что съ Нею было; какими словами шепнула—

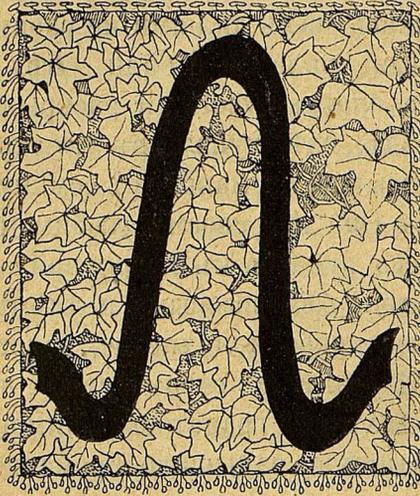
сама не вѣдала, но только поняли Ее птицы. Сразу забыли крылатая и зерна, и гнѣзда свои. И такое щебетанье, чириканье и пѣнье раздалось, какихъ на землѣ еще и не слыхивали. Окруженная ликующими птицами, сошла Марія по ступенькамъ въ садъ. Склонилась пасть лиліями не распустившимися. Точно свѣчи восковыя, рядами стояли онѣ у дверей. Цвѣтамъ повторила Дѣва благуя вѣсть, и раскрыли лиліи свои восковыя чаши. И вездѣ, гдѣ ступала въ это утро Марія, просыпались и раскрывались еще дремавшіе съ сомкнутыми лепестками цвѣты. Подошла Она къ своему любимому миндальному дереву, обхватила его руками, къ стволу прижалась. И сразу все дерево точно залило бѣлорозовымъ цвѣтомъ. А изъ-за горъ встало солнце такое яркое и лучистое, какого еще не видали люди на землѣ. И вездѣ по горамъ сразу, въ мигъ единый, распустились въ садахъ всѣ гранатовыя, лимонныя и оливковыя деревья. Все зацвѣло, задышало ароматно. Луга стали улыбаться розовыми маргаритками, красныя маки и тюльпаны огоньками вспыхнули по холмамъ.

Еще разъ взглянула на всю эту красоту Дѣва Марія и заторопилась въ свою горенку. Ей не хотѣлось, чтобы люди застали Ее въ саду. И когда въ домѣ всѣ встали, Дѣва Марія, какъ всегда въ этотъ часъ, сидѣла у себя въ бѣлой горенкѣ и ткала заказанное Ей облаченіе для назаретскаго храма. А въ домѣ старецъ Іосифъ съ сыновьями и дочери его говорили о небывалой веснѣ.

Н. Марковъ.

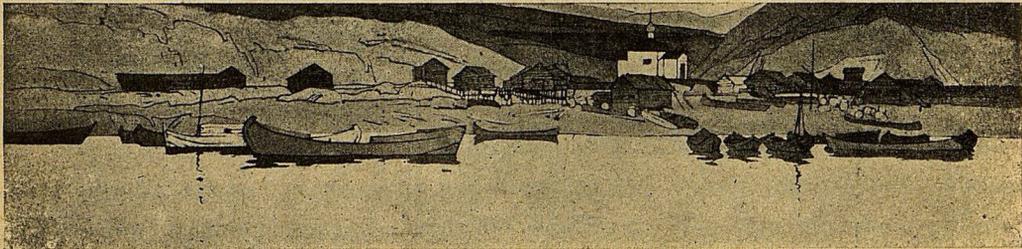
Старуха Зима.

ЕДЯНОЙ метлой Зима
Подымала пухъ бутрами,
Колокольни и дома,
Все обсыпала снѣгами.
Мартъ, румяный молодець,
Злой Зимы не испугался:
Съ крышъ хрустальный
леденець
Онъ повѣсилъ и смѣялся.
Обозлилась тутъ Зима,
Погналась за Мартомъ злая,
Да споткнулась и сама
Пала въ воду, умирая.

Струйки звонкія въ дали
Зажурчали въ пѣнной влагѣ
И старуху понесли
Въ молчаливые овраги

А. Насимовичъ.

Въ школу.

(Окончаніе).

IV.

И ВОТЪ уже въ училищѣ Лешутка. Стоять они съ бабушкой въ сѣняхъ и дожидаются выхода учителя. Точно цыпленокъ, почувавшій надъ собою ястреба, Лешутка уткнулся головой въ бабушкино платье и замеръ въ ожиданіи. Распахнулась дверь, — и къ нимъ кто-то подходитъ. Бабушка кланяется и говоритъ: — Здравствуй, кормилецъ! — и дергаетъ Лешутку: — Поклонись учителю-то, глупый! Ну, что уцѣпился? — Но Лешутка еще крѣпче и отчаяннѣе прижался къ бабушкѣ.

— Здравствуй, бабушка! Что, бѣгуна привела? — слышитъ Лешутка незнакомый голосъ, и грознаго въ этомъ голосѣ пока ничего нѣтъ.

— Его самага, касатикъ, бѣгуна, — смѣется бабушка: — насилу довела, больно ужъ боится... Ишь, вцѣпился!

— Слушай-ка, пріятель, — какъ тебя зовуть-то? — надъ самымъ своимъ ухомъ услышалъ Лешутка голосъ учителя и задрожалъ всѣмъ тѣломъ, почувствовавъ, кромѣ того, у себя на головѣ чужую руку. Учитель ласково гладилъ его — точно щеночка, котораго приручаютъ.

— Скажи, какъ зовуть-то тебя! — повторила бабушка за учителемъ.

— Лешутка, — чуть слышно прошепталъ нашъ герой.

— Ну что, Лешутка, — побили тебя вчера за то, что ты изъ дому-то убѣжалъ?

— Побили или нѣтъ? — повторила опять бабушка.

— Нѣтъ!—прошепталъ Лешутка.

— А хотѣли побить?

— Хотѣли.

— Отчего же не побили?

Лешутка молчалъ,

— Кто не велѣлъ?

— Ты!—отвѣтилъ наконецъ Лешутка.

— Ну вотъ то-то и есть!—весело сказалъ учитель:— стало быть, я тебя жалѣю и обижать тебя ужь подавно не стану—слышь, Лешутка? Ну, пойдѣмъ къ ребятамъ!

Учитель взялъ Лешутку за руку, и тотъ самъ, какъ-то невольно, отцѣпилъ свои пальцы отъ бабушкинаго платья.

— Прощай, бабушка! Смотри, Лешутка, сколько у тебя теперь товарищей будетъ!

И учитель отворилъ дверь въ классъ.

Десятка съ три дѣтскихъ головъ мгновенно обернулись къ нимъ и молча уставили на нихъ глаза. Это были все новички,—большею частью все восьмилѣтніе малыши. Сегодня они въ первый разъ очутились одни въ чужомъ домѣ среди чужихъ людей. Почти каждый изъ нихъ отъ домашнихъ достаточно наслушался разказовъ о томъ, какъ учитель таскаетъ ребятъ за волосы и за уши, ставитъ на колѣни, оставляетъ безъ обѣда. Многіе собственными ушами слышали, какъ матери и отцы ихъ вотъ этого самаго учителя послѣ „записыванія“ просили:

— Ты, батюшка, хорошенько его, ежели что не такъ... прямо за уши!..

Ни живы, ни мертвы сидятъ они за партами; каждый точно прилипъ къ тому мѣсту, куда его посадили, ворохнуться не смѣетъ.

Лешутка, сразу попавъ изъ сѣней въ свѣтлую и громад-

ную, по сравненію съ родной избой, комнату, совсѣмъ потерялся въ первую минуту. Жалкимъ, ничтожнымъ комаришкой почувствовалъ онъ себя.

— Вотъ еще, ребятки, у васъ товарищъ прибавился, — Кулешовъ Алексѣй, — громко сказалъ учитель: — куда бы его посадить?.. Ну, вотъ, садись сюда, рядомъ съ Бѣлоусовымъ!

Лешутка сѣлъ на указанное мѣсто и замеръ.

— А сумку-то вотъ сюда положи, — показалъ ему учитель.

Лешутка положилъ сумку и опять замеръ.

Учитель сталъ ходить между партъ, опрашивая имена и фамиліи. Лешутка робко повелъ за нимъ глазами, боясь встрѣтиться съ сердитыми взглядами товарищей. Къ своей великой радости онъ скоро убѣдился, что на него никто не обращаетъ вниманія — всѣ слѣдятъ только за учителемъ. А еще больше обрадовался и удивился онъ, когда, вглядываясь въ товарищей, открылъ, что это все такіе же самые обыкновенные малыши, какъ и онъ самъ. Были даже меньше его, — вотъ напримѣръ, сосѣдъ Бѣлоусовъ, худенькій мальчикъ, съ кроткимъ застѣнчивымъ взглядомъ: Лешутка доставалъ ногами до подножки парты, а Бѣлоусовъ — нѣтъ. „Немножко побольше нашего Костьки,“ — подумалъ Лешутка про сосѣда. И почувствовалъ себя смѣлѣе.

Между тѣмъ учитель вышелъ на середину класса и началъ урокъ.

— Запомните, ребятки! — сказалъ онъ: — когда я о чемъ-нибудь спрошу васъ, то, кто знаетъ, какъ мнѣ отвѣтить, пусть подниметъ руку — вотъ такъ. — Учитель показалъ. — Сейчасъ я васъ буду спрашивать.

И, возвысивъ слегка голосъ, онъ спросилъ:

— Скажите-ка вотъ мнѣ, зачѣмъ васъ сюда привели? Ну, кто знаетъ, поднимайте руки!

Ребята не ворохнулись и совсѣмъ замерли, дыханье даже притаили; только еще пугливѣе глядятъ на учителя. „Вотъ она премудрость-то пошла!“ думали: „пойми-ка ее!.. Сейчасъ, должно, трепка начнется“...

Лешутка сидѣлъ спокойнѣе другихъ.

„Зачѣмъ меня сюда привели?—знамо, грамотѣ учиться,“ подумалъ онъ, „зачѣмъ же больше? и бабушка такъ говорила, и всѣ.“ И хотѣлъ было поднять руку, но поглядѣлъ на товарищей и осѣкся.. Тишина была въ классѣ.

— Что-жъ, ребятаки? — улыбаясь, заговорилъ наконецъ учитель:—будто ужъ никто и не знаетъ, зачѣмъ его сюда привели? Навѣрное, вѣдь, каждый знаетъ.

Лешутка глянулъ на товарищей,—сидятъ, выжидаютъ.

— Подниму! — рѣшилъ онъ: — а если не такъ, я на бабушку скажу... — и Лешутка не смѣло выставилъ свою руку.

— Ага! Кулешовъ таки осмѣлился! — весело произнесъ учитель. Всѣ глаза устремились на Лешутку, какъ на нѣкое диво.

— Зачѣмъ же, Кулешовъ, тебя привели сюда?

— Грамотѣ учиться, — тихо, весь покраснѣвъ, отвѣтилъ Лешутка.

— Вѣрно,—молодецъ!—похвалилъ учитель:—конечно грамотѣ учиться—читать, писать, считать... Бѣлоусовъ! развѣ ты не зналъ этого?

— Зналъ,—прошепталъ мальчикъ.

— Такъ отчего же руки не поднятъ? Боишься?.. Боятся, ребятаки, тутъ нечего! Если и не такъ что отвѣтишь, это ничего, я за это бранить не буду... Ну, теперь я васъ вотъ о чемъ спрошу: пришли вы сюда грамотѣ учиться,—ладно, а кто васъ тутъ будетъ учить? Ну-ка, смѣлѣй!

Ребята нерѣшительно зашевелились. То ли очень просто

спрашиваетъ учитель, то ли ужъ черезчуръ мудрено — Богъ его знаетъ!

Лешутка быстро выставилъ свою руку. Его храбрый, самоувѣренный видъ подѣйствовалъ: нѣсколько мальчиковъ, въ томъ числѣ сосѣдъ Лешуткинъ Бѣлоусовъ, робко, чуть примѣтно, подняли руки.

— Кто же будетъ васъ учить? Скажи, Бѣлоусовъ!

— Ты! — почти шопотомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Вѣрно, я буду васъ учить. Какъ же меня за это называть? Того, кто рыбу ловить, называютъ рыбакомъ, стадо кто пасетъ, — того пастухомъ, а я вотъ ребятъ учу, — какъ же меня назвать по моему занятію?

Лешутка опять первый порывисто поднялъ свою руку. Его оживленіе невольно передавалось всему классу. Ребята мало-по-малу выходили изъ своей пугливой неподвижности, лица ихъ прояснялись. — А, вѣдь, пока совѣмъ не мудрено учиться... и никого не трогаетъ — говорили ихъ повеселѣвшіе взгляды, и количество поднятыхъ рукъ все росло.

— Ну, Старцевъ?

— Учитель, — тихо звучитъ отвѣтъ.

— Вѣрно! я — учитель. А по имени и отчеству меня зовутъ Александръ Михайловичъ. Запомнили?

— Запомнили! — хоромъ отвѣтило нѣсколько голосовъ, и особенно громко прозвучалъ Лешуткинъ голосъ.

— Я васъ учу — и называюсь поэтому учителемъ, а вы вотъ учитесь, — какъ же васъ назвать теперь?

Ребята всколыхнулись, улыбками озарились ихъ лица, и на всѣхъ партахъ заблѣбли поднятыя руки.

— Скажи, Рюминъ!

— Мы теперь ученики, — улыбаясь, отвѣчаетъ мальчикъ. Ребята довольны новымъ званіемъ, шире расползаются

ихъ улыбки и у многихъ, какъ, на примѣръ, у Лешутки, такъ и не сходятъ съ лица въ продолженіе всего урока. Оживленіе въ классѣ растеть съ каждымъ новымъ вопросомъ учителя. Все смѣлѣе и громче звучать отвѣты ребятъ; каждый ужъ начинаетъ прилагать старанія, чтобъ учитель замѣтилъ и спросилъ его. Впереди всѣхъ дѣйствуетъ нашъ Лешутка: онъ и руку раньше всѣхъ поднимаетъ и смѣлѣй всѣхъ себя держитъ; онъ, что называется, ведетъ за собою весь классъ. До того ужъ осмѣлѣлъ, что самъ, по собственному почину, пускается съ учителемъ въ разговоры. Когда Александръ Михайловичъ объяснялъ ребятамъ назначеніе классной доски и мѣла. Лешутка вдругъ заявилъ:

— А я знаю, на чемъ еще можно... тоже... написать, а потомъ стереть.

— Ну-ка, скажи!

— А вотъ на этой...—и Лешутка поспѣшно сталъ доставать свою доску и грифель, купленные ему дѣдомъ еще на ярмаркѣ.

— Я домъ умѣю рисовать... и мужика нарисую... — сообщилъ далѣе Лешутка.

— А я буквы писать умѣю—„а“, „о“, „и“...—застѣнчиво сказалъ Бѣлоусовъ.

— И я умѣю...—буквы, — отозвался еще кто-то.

Въ сосѣднемъ классѣ пробилъ звонокъ.

— Ну, теперь немного отдохнемъ, — сказалъ учитель: — выходите на дворъ, игры завсдите...

Ребятишки неуклюже поползли изъ-за партъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Лешутку можно было увидѣть на училищномъ дворѣ въ обществѣ маленькаго Кольки Бѣлоусова и Саньки Козьминыхъ, товарища Кольки. Это былъ толстый мальчуганъ, съ широкимъ добродушнымъ лицомъ и

узенскими, весело и плутовато мигавшими, глазками; онъ часто посапывалъ носомъ и то и дѣло утиралъ его рукавомъ. Пріятели искали по двору палки для игры въ чижики.

Большая часть новичковъ несмѣло толпились у дверей и пока лишь съ молчаливымъ любопытствомъ присматривались другъ къ другу и наблюдали за веселой, шумливой бѣготней старшихъ школьниковъ.

— А не заругаютъ? — опасливо замѣтилъ Санька, когда все было готово для игры.

— Учитель самъ велѣлъ! — сказалъ Лешутка: — а вонъ тѣ...—играютъ же.

Игра загорѣлась. Сначала малость робѣли и стѣснялись, но это скоро прошло.

Съ каждой минутой новые товарищи все больше и больше нравились Лешуткѣ. Толстякъ Санька оказался очень проворный и живой мальчуганъ, большой хохотунъ и чудакъ; играть съ нимъ было очень весело. Но особенно Лешуткѣ—здоровому, энергичному мальчику—пришелся по душѣ маленькій, тихій Колька. „Ни съ кѣмъ, поди, не сладить“, думалъ онъ, глядя на тщедушную фигурку пріятеля, и у Лешутки загоралось желаніе сдѣлать для Кольки что-нибудь пріятное—помочь, пожертвовать ради него чѣмъ-нибудь.

* * *

Какъ весенніе говорливые ручейки, побѣжали—запрыгали во всѣ стороны ребятишки изъ училища. Нашему Лешуткѣ было по пути съ Колькой и Санькой.

— По моему, хорошо учиться!—проговорилъ Лешутка.— А по твоему, Колька?

— И по моему тоже!

— А по твоему, Санька?

— Знамо, хорошо! а то плохо, что-ли!—серьезно сказала Санька.

Съ минуту мальчики бѣжали молча.

— А я не шель въ училище,—вдругъ засмѣявшись, сказали Лешутка:—боялся-то, боялся какъ!.. убѣжалъ!

— Думаль, учитель-то злой! — отозвался Санька.

И опять въ молчаньи сѣменять ногами и радостно вспоминають мальчики о только что оставленной школѣ.

— А завтра опять учиться!.. каждый день... Вотъ хорошо-то!.. эйхъ-ты!.. Побѣжимъ, ребята, вперегонки!—восклицаетъ Лешутка, и вся тройка съ веселымъ крикомъ скачетъ впередъ.

Н. Мионовъ.

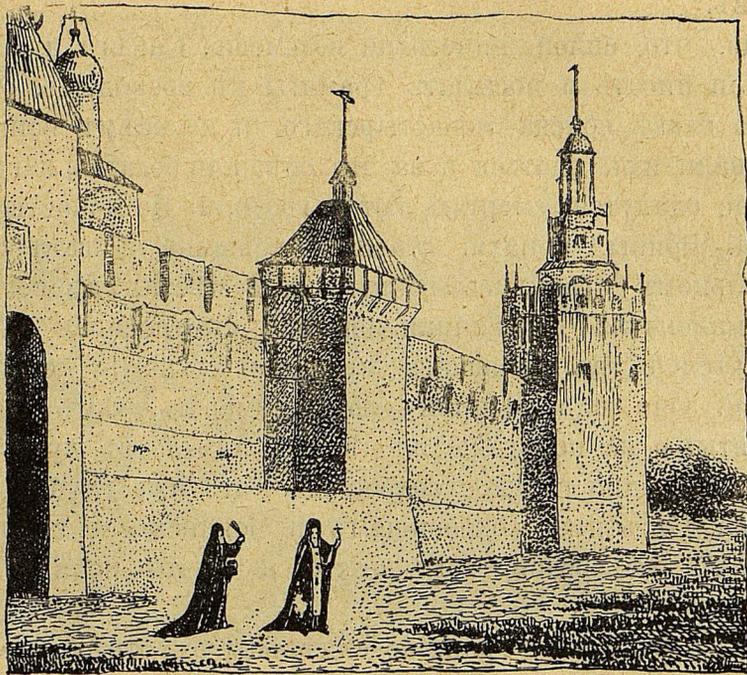
Подвигъ Троице-Сергіевскаго монастыря.

(Продолженіе).

ВЕЛИКО было воодушевленіе осажденныхъ и не удивительно поэтому, что сложились среди нихъ двѣ прекрасныя и трогательныя легенды. Рассказывали, будто непріатели видѣли ночью двухъ иноковъ, обходившихъ съ внѣшней стороны монастырскую ограду. Это были преподобный Сергій и ученикъ его Никонъ. Одинъ изъ нихъ держалъ кадило и крестъ, а другой слѣдовалъ за нимъ и окроплялъ

святой водой стѣны обители съ пѣніемъ молитвы. Пули и ядра непріателя возвращались въ это время назадъ къ осаждающимъ, не причиняя вреда осажденнымъ.

А еще рассказывали, что св. Сергій явился во снѣ монастырскому пономарю и сказалъ: „Объяви братіи и всему войску, что напрасно скорбятъ они о невозможности послать извѣстіе

въ Москву: я уже въ третьемъ часу ночи послалъ туда трехъ учениковъ своихъ.“ А одинъ польскій панъ, взятый въ плѣнъ, показалъ, что ночью поѣхали отъ монастыря къ Москвѣ три монаха, за которыми они долго гнались, но никакъ не могли поймать и только измучили своихъ коней, не взирая на то, что подъ тремя старцами лошади были чрезвычайно худы, а

скакали, какъ будто окрыленные. Въ тотъ же день вечеромъ явился преподобный Сергій одному болящему старцу и сказалъ ему: „Для чего ты сомнѣваешься, что я дѣйствительно послалъ учениковъ своихъ въ Москву?“ Старецъ по простотѣ спросилъ его: „Да на чемъ же ты ихъ послалъ?“ Преподобный отвѣчалъ: „Конюшій, по недостатку корма, выгналъ трехъ слѣпыхъ лошадей, на нихъ-то я и послалъ въ Москву своихъ учениковъ.“

Видя, что силой ничего не возьмешь, Сапѣга и Лисовскій стали писать и посылать грамоты къ воеводамъ, стоявшимъ во главѣ войска монастырскаго, и ко всѣмъ воинамъ. Уговаривали ихъ сдаться и за это обѣщали богатыя награды, а если не сдадутся, смертью лютою грозили. Но монастырь не сдавался. Воины, монахи, старики, женщины и дѣти собрались, кольцомъ стянулись вокругъ того мѣста, гдѣ когда-то стояла маленькая деревянная церковь, выстроенная св. Сергіемъ, а теперь въ большомъ каменномъ храмѣ покоились его мощи. Они всѣ рѣшили скорѣе умереть, чѣмъ предать свою святыню на поруганіе иновѣрцамъ. Было въ душѣ русскихъ людей одно великое сокровище,—это ихъ глубокая чистая вѣра. Съ этимъ сокровищемъ не боялись они смерти, а кто смерти не боится, того никто и ничто побѣдить не можетъ.

Вотъ, что писали Троицкіе сидѣльцы въ отвѣтъ на грамоты Сапѣги и Лисовскаго:

„Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта и перемѣнить истину на ложь“.

Нѣкоторыхъ казаковъ изъ войска Сапѣги начинала мучить совѣсть, что они сражаются съ врагами противъ своихъ же

братьевъ и они перебѣжали въ монастырь, но за то и въ монастырѣ иные ослабѣвали, не могли стерпѣть осады и уходили во вражій станъ. Трудно было осажденнымъ, особенно, когда наступила зима. На открытомъ воздухѣ жить больше нельзя стало, всё столпились въ кельяхъ. Тѣснота страшная, воздухъ тяжелый, да и холодно. Дрова подобрались, а

ѣздить за ними изъ монастыря въ лѣсъ нельзя. Отъ холода да отъ дурного воздуха начались повальные болѣзни. Больные стонутъ, дѣти пищать, дрожать отъ холода, воины приходятъ и жалуются, что ихъ плохо кормятъ, а, не поѣвши, какъ сражаться пойдешь? Голодъ и силы, и смѣлость отнимаетъ. Стали разбирать заднія сѣни и чуланы у келій и жечь

ихъ вмѣсто дровъ. Лучшіе изъ братіи, самыя настоящіе монахи, продолжая работать, ѣли только хлѣбъ да сухари. Но и между монахами нашлись такіе, что заводили смуту, писали жалобы, доносы. Но, не смотря на все это, Троице-Сергіевская лавра держалась и твердостью своею придавала мужество всѣмъ измученнымъ и усталымъ русскимъ людямъ. Вѣсть о томъ, что люди умираютъ, не выдавая врагамъ своей святыни, шла изъ-за густыхъ лѣсовъ, какъ тихій вечерній благовѣстъ, не заглушаемый ни лязгомъ оружія, ни свистомъ и шипѣніемъ пожаровъ.

Шестнадцать мѣсяцевъ продолжалась осада Троице-Сергіевского монастыря, и въ 1610 г. Сапѣга и Лисовскій отступили отъ него, ничего не добившись.

Но великое дѣло древней обители еще не было окончено. Смуты и страданія Руси продолжались. Враги царя Василія воспользовались общей къ нему нелюбовью и возмутили противъ него народъ. Шуйскій былъ сведенъ съ престола и постриженъ въ монахи. Правленіе поручили на время боярскому совѣту и стали думать да гадать, кого выбрать въ цари. Если изъ бояръ выбрать,—опять смуты начнутся. Рѣшили войти въ сношеніе съ поляками, призвать въ Москву польское войско и присягнуть сыну короля Сигизмунда, королевичу Владиславу, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православіе. Но Сигизмундъ сына не отпускалъ, самъ хотѣлъ сдѣлаться Московскимъ царемъ. Между тѣмъ самозванецъ былъ убитъ изъ мести однимъ татаринѣмъ. Люди, изъ страха передъ нимъ присягнувшіе Владиславу, теперь стали свободны и начали дѣйствовать противъ поляковъ. О томъ, чтобы прогнать ихъ—начали поговаривать во всей Москвѣ. Особенно горячо хлопоталъ объ этомъ патріархъ Гермогенъ. Онъ призывалъ къ себѣ людей изъ всѣхъ сословій и открыто говорилъ имъ:

— Если королевичъ православной вѣры не приметъ и всѣхъ поляковъ изъ русскаго государства не выведетъ, то онъ намъ не государь, и я благословляю всѣхъ итти подь Москву и помереть за православную вѣру.

Поляки посадили патріарха подь стражу, сами стали вооружаться, а русскимъ не позволяли носить оружія. Происходили стычки, побоища. Поляки зажгли со всѣхъ сторонъ Москву. Она вся выгорѣла, кромѣ Кремля и Китай-города.

Въ это тяжелое смутное время, когда не стало видно солнца краснаго за дымомъ пожаровъ, да за пылью, поднимаемою вражьиими войсками, когда дышать было трудно отъ запаха гари и крови,—туть-то и сказалась сила русскаго народа. Подь игомъ татарскимъ, подь властью жестокихъ правителей, среди доносовъ, казней и междоусобиць замиралъ иногда его духъ, слабѣла сила, и онъ, какъ зарытый въ землю свѣтлый мечъ, тускнѣлъ въ пыли. Но вотъ, налетѣла буря, развѣяла землю, вскрутила пыль, пролила крупный дождь— и засверкалъ забытый мечъ узорной насѣчкой. Теперь только явись богатырь, вынь лезвіе изъ ноженъ,—и упадетъ и грянетъ раскатистый ударъ.

А кто помогъ богатырю найти завѣтный мечъ? Древняя обитель, которая разъ уже поддержала вѣрой и безстрашіемъ ослабѣвшій народъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Народная приговорка на 25-ое марта.

Дѣти въ деревняхъ, отпуская птицъ на волю, приговариваютъ:

— Сестрички-синички, тетки-чечотки, краснозобые снигирушки, щеглята-молодцы, воры-воробьи, вы на волю полетайте, вы на вольной поживите, къ намъ весну скорѣй ведите, Божью Мать за насъ молитите.

Исторія воздухоплавания.

(Окончаніе).

Какъ измѣнится жизнь въ будущемъ.

ЩЕ недавно люди задавали себѣ вопросъ, что будетъ „черезъ сто лѣтъ,“ и въ отвѣтъ писались цѣлыя толстыя книги, въ которыхъ рисовалась новая жизнь, мало похожая на теперешнюю.

Теперь такъ далеко никто не заглядываетъ: жизнь стала такъ быстро мѣняться, а съ появленіемъ воздушныхъ экипажей эта перемѣна пойдѣтъ еще быстрѣе, поэтому задаютъ вопросъ, а что будетъ „черезъ десять лѣтъ?“

Когда то жизнь людей измѣнилась отъ мореплавания, а теперь особенныя перемѣны произойдутъ конечно отъ воздухоплавания.

Уже появилось нѣсколько фабрикъ, на которыхъ строятъ сотни летательныхъ машинъ. Всѣ государства обзавелись дирижаблями. Открыто нѣсколько школъ воздухоплавательныхъ (на дирижабляхъ) и воздухолетательныхъ (на аэропланахъ).

Каждый день появляются все новые и новые изобрѣтатели, новыя машины, новыя усовершенствованія и новыя смѣльчаки, которые на этихъ машинахъ взлетаютъ все выше и выше, держатся въ воздухѣ дольше, пролетаютъ все большія и большія разстоянія.

Ежедневно приходятъ извѣстія со всѣхъ концовъ земли о замѣчательныхъ полетахъ: одинъ взлетѣлъ высоко надъ моремъ и леталъ надъ нимъ часъ; другой облетѣлъ самую высокую въ мірѣ башню Эйфеля въ Парижѣ; третій поднялся въ Африкѣ и леталъ надъ древними пирамидами; Райтъ

пронесся надъ самой огромной статуей въ мірѣ, статуей „Свободы“ въ Америкѣ.

Если бы у этихъ пирамидъ была память и языкъ, то онѣ могли бы рассказать многое, что онѣ видѣли за нѣсколько тысячъ лѣтъ своей жизни.

Но до сихъ поръ на всю человѣческую жизнь онѣ глядѣли сверху внизъ, а теперь имъ пришлось бы глядѣть снизу вверхъ на летающей аэропланъ.

Въ будущемъ у людей еще смѣлѣе мечты: на воздушныхъ экипажахъ думаютъ совершать путешествія въ такія загадочныя мѣстности, какъ сѣверный и южный полюсъ, — туда можно будетъ долетать съ ближайшихъ пунктовъ въ нѣсколько часовъ.

Людымъ предстоитъ большое удовольствіе летать надъ землей и наблюдать ее сверху; передъ глазами воздушныхъ путешественниковъ будутъ проноситься нивы, горы, моря, рѣки, города, подъ ними будутъ облака, дожди, молніи, а они въ вышинѣ надъ всѣмъ этимъ, какъ зрители.

Благодаря воздушнымъ экипажамъ, въ будущемъ жизнь людей измѣнится до неузнаваемости: и видъ городовъ, и видъ домовъ, и самая жизнь людей станутъ иными: такъ какъ люди въ будущемъ мечтаютъ пользоваться воздушною дорогой, то явится необходимость устроить въ городахъ удобныя станціи для спусковъ и причала на крышахъ домовъ. Крышъ не будетъ. Всѣ дома начнутъ строить одной высоты и поверху они будутъ сравнены такъ-же, какъ и со стороны фасадовъ.

Итакъ, въ городахъ будетъ двѣ улицы, — одна для пѣшеходовъ, лошадей, велосипедовъ, автомобилей и другихъ экипажей, съ которыми человѣкъ никогда не разстанется, — они будутъ всегда нужны. Другая улица пройдетъ по верхушкамъ домовъ и будетъ служить станціей воздушныхъ экипажей.

Самое главное измѣненіе произойдетъ въ жизни горожанъ: теперь люди скучиваются и тѣсняются въ городахъ, потому что такъ удобнѣе дѣлать общія дѣла, не теряя времени на переѣзды.

При помощи аэроплановъ можно будетъ десятки верстъ пролетать въ нѣсколько минутъ. Тогда люди побросаютъ за-грязненные, душные, пыльные города, убѣгутъ отъ каменныхъ улицъ и поселятся среди лѣса и полей, во всѣ времена года будутъ жить съ природой, будутъ видѣть надъ собою необъятное небо и звѣзды. И только для дѣлъ будутъ переноситься въ нѣсколько минутъ въ города, гдѣ останутся конторы, банки, магазины, товарныя станціи и прочее. Живя среди природы, люди стануть и здоровѣе, и счастливѣе, и добрѣе.

Знаменитаго изобрѣтателя Эдисона спросили:

— Какъ вы думаете, какъ воздухоплаваніе измѣнитъ нашу жизнь? Онъ отвѣтилъ:

— Если бы ктонибудь изъ насъ вернулся на землю черезъ пятьдесятъ лѣтъ, то не узналъ бы міра; явятся такія перемѣны, какихъ нашъ умъ представить не можетъ. Конечно, мы никогда не перелетимъ съ земли на луну,—это дѣло невозможное, но жизнь на землѣ будетъ иная. Самое главное—войны прекратятся, потому что не будетъ возможности обороняться: представьте себѣ воздушный флотъ, съ котораго посыплется градъ бомбъ,—черезъ нѣсколько минутъ такіе снаряды уничтожатъ все войско. Такъ войну нельзя вести, и она прекратится навсегда.

Всѣхъ измѣненій, которыя могутъ произойти, не перечислить,—ихъ много, но всѣ они поведутъ нашу жизнь къ лучшему.

Л. Егоровъ.

Жизнь Хитролиса.

Приключеніе шестое.

Какъ Гордоклювъ стащилъ сыръ у старушки и какъ Хитролисъ стащилъ его у Гордоклюва.

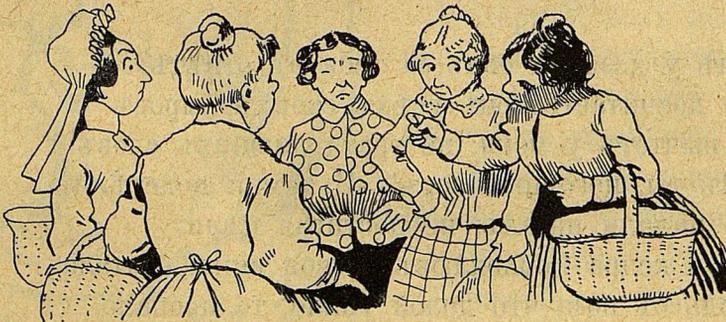
НА фермѣ у ручья жилъ нѣкій сыроваръ
И выгодно сбывалъ молочный свой товаръ.

А дальше роща шла кедровая, густая.
Тамъ вороновъ жила безчисленная стая.
Однажды въ лѣтній день плетенки разложили
На солнцѣ и сыры готовые сушили.
Приставили къ сырамъ старушку. То и дѣло
Она круги сыровъ на солнышкѣ вертѣла.

Вѣдь обѣ стороны

Подъ солнцемъ быть должны.

Но вотъ толпой идутъ всѣ кумушки съ базара,
Какъ къ нимъ не подойти? Пошли тутъ тары-бары,
О томъ, что дорога провизія ужасно,
Что дочка сборщика устроилась прекрасно
И скоро, говорятъ, выходить за ткача.

„У мужа тетушки боль сильная плеча.“
„А у племянницы, какъ лѣто—лихорадка.“
„Купила юбку я по модѣ: сзади складка,
Да прачка глупая: жалѣеть все крахмала.“
„А мнѣ, повѣрите ли, скатерть потеряла!“
Одна передъ другой всѣ кумушки трещали.
Что дѣлалось кругомъ,—совсѣмъ не замѣчали.
А Гордоклювъ давно слѣдилъ издалека,
Какъ вкусные сыры на солнышкѣ слегка
Желтѣли, словно лунь несчетныхъ повторенье.
Онъ выбралъ самое удобное мгновенье,
Неслышно подлетѣлъ. На лѣво взгляды,—на право.
Рѣшилъ, что лучшій сыръ онъ взять имѣеть право

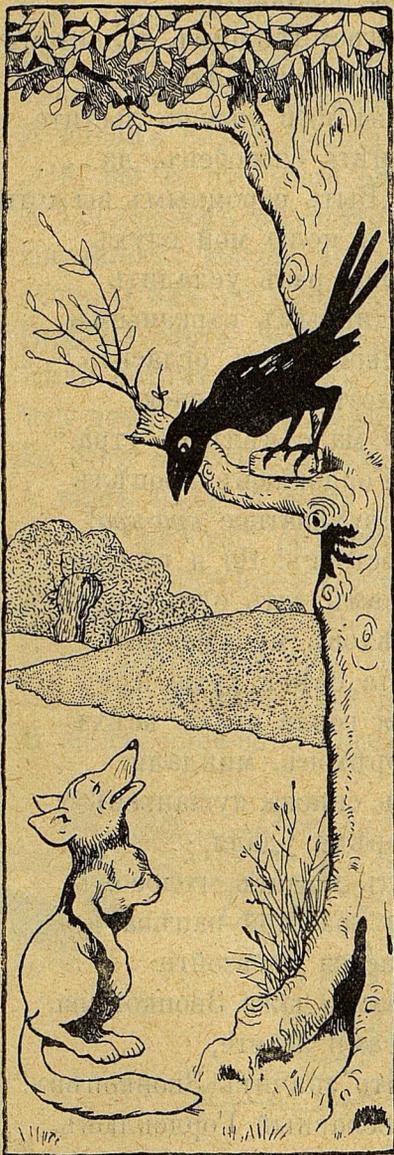

И, заключивъ его въ свой
длинный твердый клювъ,
Съ добычею на кедръ
вознесся Гордоклювъ.
Старушка слышитъ вдругъ,
что сзади зашумѣло,
Бросается къ сырамъ
—и поняла въ чемъ дѣло.
Кричитъ: „Ахъ ты, нахаль,
какихъ нѣтъ больше въ
свѣтѣ

Мнѣ у хозяина быть за тебя въ отвѣтѣ?
Не досчитается онъ всѣхъ своихъ сыровъ
И вычтетъ у меня, не тратя лишнихъ словъ!
Ахъ ты, негодный воръ!“ И камни полетѣли,
Но падали назадъ, не достигая цѣли.
А съ кедра Гордоклювъ: „Твоя вина: болтала.
Вѣдь съ воза что долой упало, то пропало.

Получше карауль, другой чтобъ не украль.“

И онъ глубоко въ сыръ съ размаха клювъ вонзалъ.

Все это Хитролисъ увидѣлъ,

понялъ; взвѣсилъ

Всѣ обстоятельства

и сталъ ужасно весель.

Онъ отдыхалъ въ тѣни

недалеко оттуда

И думалъ: „Вотъ сейчасъ

обѣдъ себѣ добуду.

Получше изловчусь

и получу легко я

И на закуску сыръ,

и птицу на жаркое.“

Вотъ нѣжнымъ голосомъ

своимъ медоточивымъ

Онъ съ выраженіемъ

весьма краснорѣчивымъ

Такъ началъ: „Куманекъ,

сердечный вамъ привѣтъ.

Что за находчивость

у васъ, что за отвѣтъ!

Какъ вы отдѣлали

старуху, вотъ потѣха!

Въ травѣ я кубаремъ

кувыркался отъ смѣха.

Но голосъ вашъ еще

прекраснѣй вашихъ словъ:

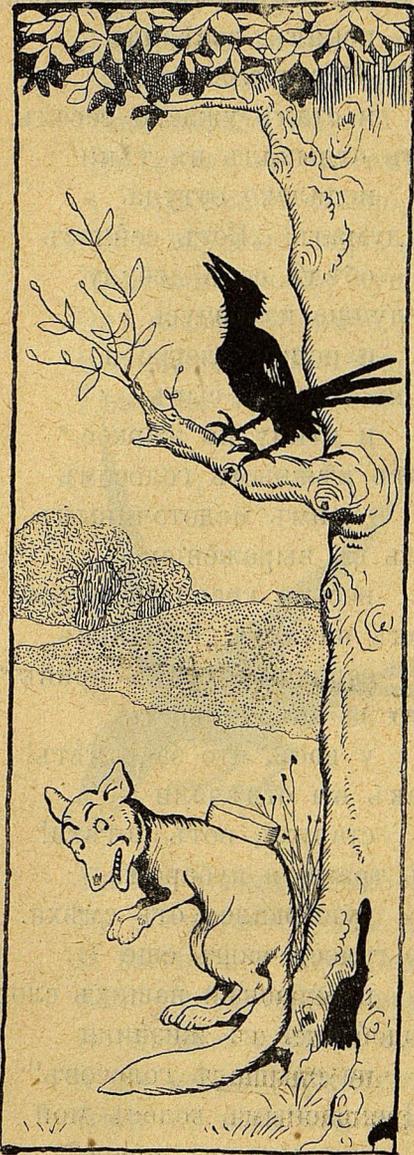
Подобныхъ въ жизни я

не слышалъ голосовъ!“

„Прекраснымъ голосъ мой

считаете вы, право?“

Промолвилъ Гордоклювъ. Онъ гордаго былъ нрава
И самъ себя считаль великимъ музыкантомъ.

„Вы обладаете
огромнѣйшимъ талантомъ...“
„Любезный Хитролисъ,
вы мнѣ ужасно льстите.
Я пѣть способенъ, да...“
„Быть скромнымъ вы хотите,
Но я молю мой слухъ
еще разъ усладить
И дивнымъ карканьемъ
окрестность огласить.“
„Охотно вамъ спою,
я мало пѣлъ съ утра.“
И Гордоклювъ пропѣлъ
двухкратное *кра-кра!*
„Восторгъ! Но я рѣшусь
вамъ дать одинъ совѣтъ:
Орѣховъ меньше ѣсть.
На свѣтѣ хуже нѣтъ
Для горла этихъ всѣхъ
орѣховъ, миндаля.
Изъ списка кушаньевъ
орѣхи удаля,
Быть можетъ, голосомъ
и красотой напѣва
Удастся превзойти
вамъ даже Звонкопѣва.
А сами знаете,
что значить Звонкопѣвъ!“
Тщеславный Гордоклювъ,
сравненья не стерпѣвъ,

Сталъ каркать вновь и вновь. При этомъ такъ старался
Что скользкій круглый сыръ въ когтяхъ не удержался,
Скользнулъ и колесомъ скатился прямо внизъ,
Гдѣ спину подъ него подставилъ Хитролисъ.

„Ну вотъ,“ подумалъ онъ, „закуска и готова.
Теперь еще съ жаркимъ сейчасъ скажу два слова.“

И началъ онъ вздыхать и жалобно вопить:

„Ой, вы за что меня рѣшили погубить?“

А Гордоклювъ въ отвѣтъ: „Да что, скажите мнѣ,
Случилось? Мягкій сыръ не повредитъ спинѣ...“

„Спины онъ не разбилъ, но, увѣряю васъ,
Пахучій этотъ сыръ зараза изъ заразы.“

Вѣдь потому пришелъ сюда я утромъ рано,
Что дома спать не могъ: открылась въ лапѣ рана.

Ее себѣ нанесъ три дня тому назадъ,
А вашъ пахучій сыръ для раны—злѣйшій ядъ.

Берите же его!“ онъ кончилъ, негодуя,

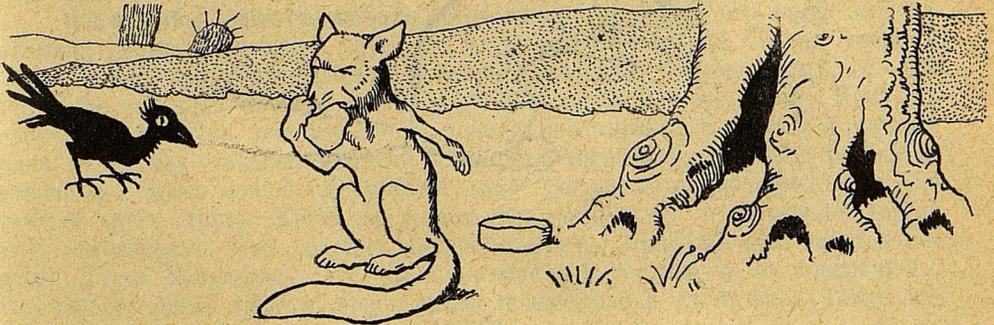
„Лишь двинусь,—въ обморокъ навѣрно упаду я.“

Но недовѣрчивымъ былъ воронъ отъ рожденья

И къ Хитролису онъ слетѣлъ не безъ смущенья.

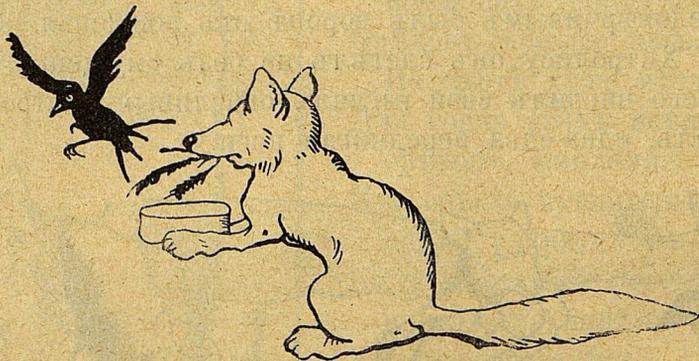
Въ него вперилъ свой взглядъ опасливый и строгій

И шель, едва-едва передвигая ноги.

Лисъ простоналъ: „Я ждалъ хоть ласковаго слова!
Чего боитесь вы несчастнаго больного?“
Тутъ воронъ сталъ смѣлѣй, а Хитролисъ нагнулся,
И прыгъ на куманька! Да, видно, промахнулся,
На счастье Ворона, и вырвалъ только перья
У друга изъ хвоста. „Ахъ, ахъ, несчастный звѣрь я!“
Онъ снова застоналъ, „отъ боли я ужасной
Подпрыгнулъ. Вы меня простите, другъ прекрасный!“
Но больше провести не могъ онъ куманька.
Тотъ улетѣлъ домой, ошипанный слегка,
И каркалъ: „Воръ и врунь мой сыръ укр-ралъ, укр-ралъ!“
А Хитролисъ въ отвѣтъ: „Какъ жаль, что прсморгалъ!
Но впрочемъ горевать не стану, что жъ такое!
Закуску нынче съѣмъ, въ другой же разъ—жаркое.“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

На родинѣ Пресвятой Дѣвы. Въ Назаретѣ, на мѣстѣ благовѣщенья архангела Гавріила Дѣвѣ Маріи, въ IV вѣкѣ былъ построенъ храмъ. Храмъ этотъ разрушили мусульмане. Теперь тамъ находится католическій монастырь. Церковь Назаретская очень красива. Она выстроена надъ домомъ плотника Іосифа, гдѣ жила Пресвятая Дѣва. Здѣсь, въ самой церкви, показываютъ глубокой колодезь, изъ котораго Марія черпала воду.

Почта въ Египтѣ за два вѣка до Рождества Христова. Въ Берлинскомъ почтовомъ музеѣ находится удивительно интересная вещь. Это древній папирусъ. Папирусомъ—называется египетское болотное растеніе, которое употребляли въ древности вмѣсто писчей и почтовой бумаги. Для этого сердцевину растенія, толщиной въ кисть руки, разрѣзывали на продольныя полосы и эти полосы укладывали плотно на гладкую доску. Поперекъ, подъ прямымъ угломъ, клали другой слой сердцевины папируса. Потомъ все это клалось подъ прессъ и высушивалось на солнцѣ. Получалась прочная длинная страница свѣтло-желтаго цвѣта, если папирусъ былъ молодъ, или темно-желтаго, если папирусъ былъ старъ. Египтяне предпочитали темно-желтые папирусы. Страницы склеивались въ длину и свертывались въ свитки, а не сшивались, какъ книги. Такимъ образомъ получались удивительно длинныя полосы, иногда въ нѣсколько саженъ. Эти свитки такъ и назывались папирусами, по имени растенія, изъ котораго были сдѣланы. И вотъ, одинъ изъ такихъ папирусовъ находится въ Берлинскомъ музеѣ и очень важенъ для исторіи почты. Онъ былъ написанъ во время правленія египетскаго царя Птолемея II, около 225 лѣтъ до Р. Х. Изъ папируса мы узнаемъ, что въ то время существовала правильно устроенная почта, и письма посылались по всей длинѣ рѣки Нила. Въ папирусѣ упоминаются лица, служащія на почтѣ, все равно, что теперешніе почтовые чиновники, занятые получкой и отправкой писемъ, запечатанных въ свиткахъ, а также гонцы, а по нашему почталыоны, привозящіе и отвозящіе письма въ разныя части Египта. Замѣчательно, что тогдашніе почтовые служащіе были ничуть не менѣе аккуратны, чѣмъ теперешніе, и точно отмѣчали время получки и отправки почты.

Какъ рыбы умѣютъ любить. Почему то считается, что рыбы не привязываются къ человѣку и другъ къ другу, но это невѣрно. Одному ученому такъ удалось приручить плотву, попавшую къ нему въ акваріумъ, что эта рыбка не спускала съ него глазъ, когда онъ подходилъ къ стеклу. Пока онъ стоялъ у акваріума, она все время неподвижно держалась на водѣ и прижавшись къ стеклу слѣдила глазами за своимъ господиномъ. И еще рассказываютъ про двухъ ершей слѣдующее: жили эти ерши въ акваріумѣ и сильно любили другъ друга. Когда же одного изъ нихъ кому то подарили, другой такъ затосковалъ, что совсѣмъ пересталъ ѣсть. Продолжалось это три недѣли. Тогда испугались, что рыба погибнетъ и послали за ея товарищемъ. Очутившись опять вмѣстѣ, ерши сразу повеселѣли и стали ѣсть. Тоже рассказываютъ и о двухъ золотыхъ рыбкахъ.

Почта „Тропинки“.

Письмо пятнадцатое.

Вопросъ читателя.

М. Г. Г-нъ Редакторъ!

Въ четвертомъ номерѣ журнала „Тропинка“ помѣщена статья о кометахъ, и къ ней прилагается рисунокъ: пути кометъ и планетъ вокругъ солнца. У васъ написано, что „кометы движутся или по очень удлинненнымъ кругамъ—эллипсамъ, или по линіи, напоминающей разогнутую дугу“. А на рисунокѣ у васъ планеты: 6) Юпитеръ, 7) Сатурнъ и 8) Уранъ—ходятъ по эллипсу. Что же это—кометы или планеты? Объясните мнѣ, я не понимаю? Путь же Нептуна у васъ на рисунокѣ и советѣмъ не показанъ.

А. Селезневъ.

Отвѣтъ редакціи.

На страницѣ 183-ей подѣ № 6, 7, 8 обозначены пути кометъ, а вокругъ солнца семь круговъ—это пути планетъ:

- 1) Меркурій,
- 2) Венера,
- 3) Земля,
- 4) Марсъ,
- 5) Полоса малыхъ планетъ,
- 6) Юпитеръ,
- 7) Сатурнъ,

а пути 8) Урана и 9) Нептуна не обозначены за недостаткомъ мѣста.

Данный рисунокъ помѣщенъ съ цѣлью показать, какъ пути кометъ пересекаются съ путями планетъ и почему люди боятся столкнуться съ кометой.

Редакція. Саратовъ.

Я хочу написать, въ какихъ городахъ я была. Вы навѣрное спросите: почему я въ разныхъ городахъ была? А я вамъ сейчасъ объясню. Мой папа и моя мама артисты. Папа мой антрепренеръ и снималъ во многихъ городахъ театры.

Вмѣстѣ съ труппой ѣздили мы изъ города въ городъ. Когда мнѣ исполнилось 3 года, я выступала на сценѣ въ Харьковѣ. Когда я вышла на сцену, я такъ испугалась и убѣжала со сцены и спряталась за декорацию. Папа меня искалъ, искалъ,—такъ и не нашель. Я играла маленькую дѣвочку, которая должна была лежать на постели, и, вмѣсто меня, лежало полѣно, одѣтое въ мое платье. Потомъ, когда я стала больше, я не стала бояться выходить на сцену. Я была въ Барнаулѣ, въ Ново-Николаевскѣ, въ Тобольскѣ, въ Новгородѣ, въ Орлѣ, въ Воронежѣ, въ Уфѣ, въ Перми и еще много, много городовъ, всѣхъ не пересчитать. Мой папа сейчасъ въ Тобольскѣ, у него тамъ свой театръ.

Мама же не захотѣла, чтобы я съ ними ѣздила по городамъ, оставила меня въ Саратовѣ у дѣдушки и у бабушки. Я учусь тамъ въ гимназіи. Мнѣ сейчасъ 12 лѣтъ. Какіе города я вамъ упомянула, я во всѣхъ участвовала. И думаю, что въ будущемъ буду артистка. На масляницу я играла во „Власть Тьмы“ Анютку. До свиданія теперь.

Въ слѣдующій разъ я напишу еще кое-что. Остаюсь ваша поддисица

Руффина Шер—ва.
12 лѣтъ.

Отъ кохторы редакціи.

Просимъ прочесть непремѣнно.

1. Рукописи, присылаемая въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждаго мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарady и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее:
Зин. Венгеровой „Донъ-Кихотъ“. *З. Н. Гиппиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваниі).
Е. П. Иванова „Черный пельникъ“. *П. Инфантьева* „На родинѣ первыхъ людей“.
(Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азій). *И. С. Кондурушкина*
„Сказка о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Нелюбимая подруга“. *Н. И. Манасеиной* „Дербетская принцесса“. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II).
Проф. М. И. Ростовцева „Олимпийскія игры“. *П. Соловьевой (Аллего)* „Царевна Звѣздочка“ (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шамиръ* „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднѣе 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Ж. Манасеина.